

ПОЛИТ

Р.З.Рувинский

ДИЛЕММЫ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И НОВАЯ ВОЙНА ВСЕХ ПРОТИВ ВСЕХ

Ключевые слова: государство, кризис, естественное состояние, правопорядок, суверенитет

I

По вполне понятным причинам (крушение СССР и утверждение идейно-политической гегемонии либерально-демократических режимов) конец XX в. был объявлен рядом мыслителей «концом истории». Приложение к современной ситуации данного концепта, заимствованного из гегелевской философии и подразумевающего торжество идеального типа государства¹, должно было означать, «что более не будет прогресса в развитии принципов и институтов общественного устройства, поскольку все главные вопросы... решены»². Сегодня, по прошествии первого десятилетия нового века, этот своеобразный оптимизм кажется все менее состоятельным. Даже не касаясь вопроса о вероятности прогресса в развитии общественных институтов, нельзя не отметить скачкообразный рост острейших социальных проблем, уже ставший отличительной особенностью наступающих тревожных времен и ставящий под сомнение само существование миропорядка в том виде, в каком мы его знаем.

С 2008 г. мир сотрясается от экономического кризиса и его последствий. Как справедливо отмечают эксперты и государственные деятели³, данный кризис неизбежно способствует обострению территориальных, межэтнических и межконфессиональных конфликтов в проблемных регионах земного шара, ведет к росту преступности и подрыву нормальных отношений в обществе. Разгораются тлевшие прежде внутренние противоречия в арабских, азиатских, европейских странах. Как никогда реальна перспектива распада Европейского союза; более того, усилились сепаратистские тенденции в самих национальных государствах — членах ЕС. В полосу кровопролитной гражданской войны вступил ближневосточный регион, чем в настоящее время, судя по всему, активно пользуются западные страны, пытающиеся, как в колониальную эпоху, решить свои собственные проблемы за чужой счет.

Однако вряд ли допустимо списывать все бедствия текущего момента на один лишь финансово-экономический кризис. Если использовать термин «кризис», то, пожалуй, следует говорить о кризисе в более широком смысле этого слова — о кризисе идей, ценностей, духовной культуры, о кризисе взаимоотношений человека и среды его

¹ См. Кожев 2003: 219, 361—365.

² Фукуяма 2004.

³ См., напр. Зорькин 2009; Социально-политические последствия 2010: 108—134; Галкин 2012: 5—20.

⁴ *Отдельные прозрения на этот счет см. Валлерстайн 2004: 5–12; Дугин 2009: 5–14; Кутырев 2009; Рахно 2009.*

⁵ *См. Вилонов 2010: 25–37; Friedrichs 2010: 4562–4569.*

обитания, о кризисе всей цивилизации⁴. При таком подходе становятся яснее масштабы упадка прежних социальных структур и качественное своеобразие переживаемой эпохи. Уже звучат предостережения ученых о грядущем достижении предела добычи полезных ископаемых (в первую очередь нефти и газа)⁵. Похоже, что сама природа бросает человечеству вызов, и этот вызов, вне зависимости от чьих-то субъективных желаний, должен быть принят. Нечего удивляться, что для обществ, организованных в национальные государства, ответ на вызовы эпохи означает ответ, исходящий от государства или, по крайней мере, серьезным образом затрагивающий его.

Обобщая картину происходящего вокруг, приходится констатировать, что достижение некоего идеала государственности, на роль которого претендовала космополитическая либеральная демократия, не более чем иллюзия. Разговоры о «конце истории» в понимании Георга Вильгельма Фридриха Гегеля и американского философа Фрэнсиса Фукуямы беспочвенны. Наоборот, старые проблемы человечества предстают сегодня в новом качестве, открывая перед социальными структурами широкий спектр сценариев возможного развития.

Особенно глубокую озабоченность исследователей вызывают вопросы о роли государства в преодолении свалившихся на человечество бедствий, о способах выполнения им своих функций, а также о допустимых пределах его вмешательства в жизнь граждан. Конечно, нельзя сказать, что подобные вопросы никогда прежде не задавались — напротив, они не теряют актуальности почти с тех самых пор, как в мире появились первые государства. В то же время именно сейчас, в период перелома, прежние взгляды на государственность с острейшей необходимостью требуют переосмысления. В сущности, важнейший вопрос современной эпохи может быть сформулирован предельно лаконично: есть ли будущее у государства вообще, и если да, то каково это будущее?

В обществе, которому выпало несчастье жить в эпоху перемен, проблемы государственности и меняющегося правопорядка оказываются неразрывно связаны с такими понятиями, как крайняя необходимость, чрезвычайные меры и т.п. И все же, чтобы яснее представить себе суть и вероятные последствия происходящего, полезно обратиться к хорошо известным теоретическим представлениям о государстве и праве. Возможно, новое прочтение классических трудов поможет подобрать подходящий инструментарий для анализа современной проблематики.

II

При рассмотрении вопросов государственности, а также государства и права в критические периоды истории человечества труднее всего, пожалуй, игнорировать идейное наследие английского философа Томаса Гоббса.

В трудах «О гражданине» («De Cive») и «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» Гоббс сформулировал довольно мрачную, на первый взгляд, гипотезу происхождения государства. Согласно его концепции, «все крупные и прочные людские сообщества берут свое начало не во взаимной доброжелательности, а во взаимном страхе», под которым философ понимал «любое предвидение будущего зла»⁶. Причина взаимного страха, по Гоббсу, заключается в природном равенстве людей и проистекающем из него недоверии друг к другу. В такой ситуации единственной силой, способной обуздать эгоистические страсти и обезопасить человека, оказывается государство.

⁶ Гоббс 1989: 287.

По поводу самого содержания Гоббсовской теории происхождения государства нет особых споров. Наиболее оживленные дискуссии среди исследователей всегда вызывали используемые в ней концепты естественного состояния и войны всех против всех. Неувядающий интерес к этим концептам, несомненно, связан с их метафорическим звучанием, элементами сюрреализма и загадочности, позволяющими вновь и вновь примерять их к текущему положению дел в обществе. Немалое значение имеют они и для понимания процессов, происходящих с государственностью и социумом в наши дни.

«...Пока люди живут без общей власти, держащей всех их в страхе, они находятся в том состоянии, которое называется войной, и именно в состоянии войны всех против всех»⁷, — читаем мы в «Левиафане». Далее автор объясняет, что в состоянии войны всех против всех «каждый является врагом каждого», что «в таком состоянии нет места для трудолюбия, так как никому не гарантированы плоды его труда, и потому нет земледелия, судоходства, морской торговли, удобных зданий... ремесла, литературы, нет общества», но зато постоянно присутствует опасность насильственной смерти, а жизнь человека «одиока, бедна, беспросветна, тупа и кратковременна»⁸. Другими словами, в условиях описанной Гоббсом таинственной войны всех против всех отсутствует какая-либо стабильность, при которой возможно поступательное развитие человеческого общества.

⁷ Гоббс 1991: 95.

⁸ Там же: 96.

Закономерен вопрос: что же это за естественное состояние войны всех против всех? Здесь мы находим богатую почву для гипотез и интерпретаций. Согласно концепции Гоббса, «природа каждому дала право на все» — иначе говоря, «до того, как люди взаимно связали себя какими бы то ни было договорами, каждому было позволено делать что угодно и по отношению к кому угодно, владеть и пользоваться всем, что он хотел и мог»⁹. Право всех на все при отсутствии каких-либо прочных соглашений или какой-либо внешней силы, способной обеспечить порядок в отношениях между людьми, логичным образом приводит к беспрестанному всеобщему соперничеству, то есть к войне. Тем самым перед нами разворачивается достаточно яркая картина социального хаоса и анархии.

⁹ Гоббс 1989: 290.

В качестве примера естественного состояния в трактате «О гражданине» Гоббс ссылается на современное ему коренное население Аме-

рики, а также на «прочие народы, ныне уже цивилизованные и процветающие, а когда-то немногочисленные, дикие, кратковечные, бедные, грязные, лишенные в своей жизни всех тех преимуществ и радости, которые дают людям мир и жизнь в обществе»¹⁰. Вместе с тем уже в «Левиафане» он делает двусмысленную оговорку, заявляя, что не думает, будто изображенные им естественное состояние и война всех против всех «когда-либо существовали как общее правило по всему миру»¹¹. Завершаются же рассуждения о неудобстве подобной войны и вовсе странным выводом: «никогда и не было такого времени, когда бы частные лица находились в состоянии войны между собой»¹², — оставляющим читателя в замешательстве относительно того, как понимать описанное философом естественное состояние человеческого рода.

Опираясь на накопленные историками и этнографами знания, можно было бы назвать пример с американскими индейцами не вполне удачным, хотя нарисованная Гоббсом картина варварства и всеобщего братоубийства, вероятно, вполне соответствовала тогдашним европейским представлениям о социальной организации и быте коренных жителей Нового Света¹³. Как бы то ни было, и по тексту «De Cive», и по тексту «Левиафана» заметно, что их автору не хватало эмпирического материала для обоснования своей теории. Во всяком случае, если рассматривать ее узко, как теорию происхождения государства (а именно в таком качестве данная концепция традиционно преподносится в справочной, учебной и даже научной литературе), она выглядит противоречивой и недостаточно фундированной. Вопрос о том, относиться ли тогда к категориям естественного состояния и войны всех против всех как к неким абстракциям, приближениям, результатам идеализации или же, напротив, понимать их буквально — как некую ошибочно изложенную Гоббсом предысторию гражданского общества, должен занимать прежде всего историков философии; в практическом отношении он, на первый взгляд, не имеет особого смысла (далее мы убедимся в обратном). Как справедливо отмечает Александр Филиппов, «никто не станет всерьез полагать в наши дни, будто некогда был или мог быть заключен общественный договор, которому предшествовало естественное состояние, каким его описывает Гоббс»¹⁴. Но если так, то что в наследии английского мыслителя по сей день сохраняет острейшую актуальность?

В своей работе, посвященной переосмыслению теории Гоббса, американский исследователь Робинсон А. Гровер задается вопросом, насколько мы отошли от естественного состояния, описанного философом в XVII в.¹⁵ Сегодня кажется, что благодаря современным промышленным, коммуникационным, медицинским и иным технологиям наш мир далек от естественного состояния дикости и всеобщей борьбы за выживание, но, может быть, это не так. «Принадлежащая Гоббсу оригинальная концепция естественного состояния действительно устарела», — соглашается Гровер и тут же добавляет, что в новой форме она по-прежнему может сохранять актуальность, и причины этого кроются

¹⁰ Там же: 291.

¹¹ Гоббс 1991: 97.

¹² Там же.

¹³ Подробнее о взглядах европейцев на быт неевропейских обществ в колониальную эпоху см. Никитин, Рувинский 2010: 143—145.

¹⁴ Филиппов 2009: 149.

¹⁵ Grover 2002: 125—141.

¹⁶ *Ibid.*: 125. именно в изменившихся технологиях¹⁶. Так, например, процессы глобализации, приведшие к упрощению и ускорению международных обменов, открывшие невиданные ранее источники информации и наделившие людей огромными возможностями, одновременно создали и новые угрозы. Не только порядок, но и анархия может приобрести всемирные масштабы, стать повсеместной.

Переосмысляя идеи Гоббса, нельзя не прийти к мысли, что описанное английским философом почти четыре столетия назад естественное состояние войны всех против всех не далекое прошлое, относящееся к догосударственному периоду истории человечества, а наше настоящее или, по крайней мере, скорое будущее. В связи с этим полезной представляется догадка Филиппова, согласно которой в нарисованной Гоббсом картине естественного состояния речь идет не о попытке исторического описания (Гоббс не повествует о реальных событиях и практически не обращается к истории), но о современной философу действительности, в которой мир периодически сменялся войной, государства гибли и образовывались вновь и т.д.¹⁷ «Когда начинается гражданская война, когда в ходе завоевания одно государство уже погибло, а другое на его руинах еще не создано, тогда состояние бывает естественным», — заключает Филиппов, приходя к выводу, что между естественным (безгосударственным, кризисным) и гражданским (государственным, упорядоченным) состоянием нет радикального разрыва, что «они суть изнаночные стороны друг друга»¹⁸.

¹⁷ *Филиппов 2009*: 155.

¹⁸ *Там же*.

Итак, концепция Гоббса может быть интерпретирована не только (и не столько) как одна из оригинальных теорий происхождения государства, но и как провидческий политический сюжет, не теряющий своей остроты до сих пор. Государство, а именно наличие публичной политической власти, в рамках этой концепции выступает в качестве наивысшего блага. Основная цель государства — обеспечение безопасности подданных, избавление их от нестабильности, неуверенности в завтрашнем дне, взаимного страха и противоборства и, наконец, направление их действий к общей пользе¹⁹.

¹⁹ *См. Гоббс 1991*: 129, 132.

Гоббсу представлялось совершенно очевидным, что государство должно быть сильным, а власть суверена абсолютной. Ослабление и распад государства — прямой путь к хаосу всеобщей гражданской войны, возвращение к естественному состоянию. Неудивительно, что угрозы, ведущие к упадку государственности, всерьез занимали мыслителя: им посвящены отдельные главы и в «*De Cive*», и в «*Левиафане*». Среди наиболее существенных бед, чреватых распадом государства, в «*Левиафане*» названы такие, как недостаточность абсолютной власти суверена и попытки законодательно ее регламентировать (иными словами, ограничить), введение системы разделения властей и низкий авторитет гражданских законов. Рецепты против этих бед, как нетрудно заметить из оставленных Гоббсом замечаний, достаточно ясны и конкретны. В утрированной форме их можно передать так: ограничение суверенной власти недопустимо, суверен не обязан подчиняться своим же законам,

верховная власть не подлежит делению, а различного рода мятежные учения и их проповедники должны своевременно подавляться. Сегодня сложно судить, насколько действенными эти рецепты были при жизни Гоббса (пути, по которым идет история, зависят отнюдь не только от наших субъективных желаний и предпочтений), но, возвращаясь из XVII в. в наше время, приходится признать, что озвученные мыслителем из Мальмсбери проблемы стали еще запутаннее, а рецепты их устранения — во много раз менее очевидными.

III

Один из первых вопросов, возникающих в результате рефлексии над творчеством Гоббса: где в современном обществе искать суверена? По Гоббсу, суверен тот, кто обладает верховной государственной властью, всякий же другой является подданным²⁰. Как следует из содержания «De Cive», суверен — это либо отдельный человек, единоличный правитель, либо некое собрание, то есть коллегиальный орган. Высшее могущество суверена (*summam potestatem*), его право повелевать состоит в том, что «каждый гражданин перенес всю свою силу... на этого человека или на это собрание», отказавшись от своего права на сопротивление²¹. Суть в целом ясна, однако, углубившись в чтение Гоббса, не следует забывать о реалиях, способных внести серьезные коррективы в любые теоретические схемы. Как минимум необходимо иметь в виду противоречивую историю развития и реализации идей о народном суверенитете, а также тот след, который оставили эти идеи вместе с вдохновленными ими демократическими революциями в общественном сознании и в устройстве государственных институтов.

В наши дни трудно себе представить, чтобы чья-то единоличная власть, не ограниченная строгими юридическими рамками, воспринималась как нечто нормальное и должное. Сколь бы авторитетным ни был тот или иной государственный деятель либо коллективный политический субъект (например, партия), пожалуй, никто и нигде сейчас не может считаться сувереном в том смысле, который вкладывал в это слово Гоббс. Крайне сомнительно, чтобы пренебрежение законами государства со стороны правителя не осуждалось гражданами этого государства и мировым сообществом и, соответственно, не вело бы к утрате верховной властью своей легитимности. Не многие современные государства отвергают и принцип разделения властей, представленный Гоббсом чуть ли не в качестве несомненного признака упадка государственности.

Впрочем, это далеко не самые принципиальные моменты, на которых стоило бы остановиться. Дело в другом. Сегодня считается как бы само собой разумеющимся, что суверенитет — неотъемлемое свойство всякого государства. Все государства признаются равными, не имеющими права вмешиваться во внутренние дела друг друга и облада-

²⁰ Там же: 133.

²¹ Гоббс 1989: 332.

ющими полнотой власти в пределах своих территориальных границ. Принципы так называемой Вестфальской системы международных отношений вошли в плоть и кровь юридической науки и официальной дипломатии. Вместе с тем, если перестать удовлетворяться привычными декларациями и хорошенько оглядеться вокруг, становится ясным, что с мировым правопорядком, основой которого до сих пор было национальное государство (nation-state), в последние десятилетия происходят серьезные изменения. Хотя кого-то, возможно, такой вывод и удивит, но отказ от прежних, «вестфальских» принципов уже фактически произошел.

Одним из предвестников своеобразного «коперниканского переворота» в представлениях о суверенных правах государств, пожалуй, можно считать выход в 1987 г. книги дипломата Бернара Кушнера и специалиста по международному праву Марио Беттати, в которой обосновывалась обязанность западных демократий защищать права человека по всему миру, невзирая на национальный суверенитет²². Спустя всего несколько лет эти идеи получили практическое воплощение в ходе миротворческой операции ООН в Сомали (1992—1993 гг.). Однако окончательный переход к практике пренебрежения принципами государственного суверенитета знаменовали собой вторжение сил НАТО в Югославию для участия в вооруженном конфликте на стороне косовских албанцев в 1999 г. и последующее парадоксальное заявление Независимой международной комиссии по Косово, квалифицировавшей данную интервенцию как «незаконную, но легитимную» («illegal but legitimate»)²³.

В 2005 г. по суверенитету национального государства был нанесен еще один сокрушительный удар. На этот раз он исходил от Организации Объединенных Наций, установившей новую международно-правовую норму, которая получила известность под названием «Responsibility to Protect» («Обязанность защищать»). Общий смысл этой нормы сводится к тому, что суверенитет не является щитом, спасающим государство от иностранной интервенции: «В случае необходимости, если мирные средства окажутся недостаточными, а национальные органы власти явно окажутся не в состоянии защитить свое население от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности», во внутренние дела государства вправе вмешаться «международное сообщество»²⁴.

Со времен вторжения в Югославию и утверждения новой международно-правовой нормы мир не раз имел возможность убедиться в том, что устоявшиеся представления о суверенных правах национальных государств остались в прошлом. И дело здесь отнюдь не только в «однополярности» международного правопорядка и неизжитых колониальных привычках западных «великих держав». По мнению ряда современных исследователей, национальное государство как таковое переживает сегодня глубочайший кризис, напрямую связанный с окончательной глобализацией мировой экономики и выходом на первый план

²² Bettati, Kouchner 1987.

²³ *The Independent International Commission on Kosovo 2000: 4.*

²⁴ *Резолюция 2005: 37.*

²⁵ *Подробнее см. Фурсов 2008: 277—279.*

²⁶ *Хардт, Негри 2004: 11.*

негосударственных (нередко — теневых) корпоративных структур: мгновенно перемещающиеся финансовые потоки не признают территориальных границ, контролирующие возможности государств в финансовой сфере резко сократились, политика все больше сводится к администрированию²⁵. Само государство начинает вести себя как корпорация, в которой все определяется экономической эффективностью. В таких условиях, как отмечают Антонио Негри и Майкл Хардт, «даже наиболее сильные национальные государства не могут признаваться в качестве верховной и суверенной власти ни вне, ни даже в рамках собственных границ»²⁶.

Обобщая вышесказанное, следует признать: потенции национальных государств существенно ослабли. Эта слабость, обусловленная прежде всего объективными экономическими процессами, а также подчинением государственных институтов логике легальных и полулегальных транснациональных коммерческих структур, усугубляется, как ни странно, идущими снизу требованиями гражданских свобод и высокого уровня жизни. Несмотря на трудности нынешнего времени, повлекшие за собой повсеместное свертывание социальных программ и отказ от концепции государства всеобщего благосостояния (welfare state), запросы масс не стали скромнее. Складывается опасная ситуация: страны глобального «центра» вынуждены обеспечивать потребности своих граждан за счет глобальной «периферии», тогда как на самой «периферии» люди требуют предоставления им как можно более полного пакета западных прав, свобод и социальных гарантий. В конечном счете этот политический цугцванг ведет к полной потере легитимности действующими элитами, более того — легитимность в глазах широких масс теряет само национальное государство как форма организации общественной жизни.

Возвращаясь к провидческому замечанию Гровера о том, что сегодня человечество находится гораздо ближе к Гоббсову естественному состоянию войны всех против всех, чем нам порой кажется, необходимо отчетливо осознать отсутствие в наши дни достаточно действенного и подлинно всеобщего средства спасения от возможной анархии. Если во времена Гоббса государство действительно могло выступать как эффективнейший инструмент разрешения стоящих перед людьми проблем (пусть даже и посредством насилия), то сегодня оно само стало проблемой. К сожалению, не всеми эта проблема видится одинаково, и приверженность доминирующим в мире политико-правовым идеям вполне способна лишь еще больше запутать ее.

IV

Пожалуй, можно без преувеличения сказать, что уже довольно давно в правоведении (прежде всего зарубежном) получило распространение такое настроенно-негативное отношение к государству,

и именно к государству сильному или стремящемуся быть сильным. Весьма показательны в этом плане многочисленные исследования последних лет, посвященные росту чрезвычайных по своему характеру мер государственно-правового регулирования общественных отношений, концентрации в руках исполнительной власти предельно широких полномочий, преобладанию полицейских форм обеспечения коллективных интересов и безопасности над судебными и т.д.²⁷ Особый акцент в таких работах обычно делается на ущемлении правового статуса личности, ограничении фундаментальных прав, пренебрежении правами меньшинств (национальных, религиозных, сексуальных). Отдельный человек, казалось бы, поставлен в центр мироздания, а от более или менее сильного государства исходит перманентная опасность насилия и едва ли не превращения в аналог тоталитаризма XX в.

Причина данной установки, вероятно, кроется в господстве либеральной концепции прав человека, в рамках которой государство нередко трактуется как некое необходимое зло, без которого, с одной стороны, невозможны жизнь и развитие общества, но которое, с другой стороны, постоянно норовит вторгнуться в неприкосновенное и запретное для него пространство свободы индивида. В таких представлениях государство действительно кажется подобным библейскому Левиафану, всеильному мифическому чудовищу, или «смертному богу», по выражению самого Гоббса²⁸.

Но академическая критика стремительного превращения все еще дееспособных (то есть способных осуществлять управление в масштабах всего общества) государств в полицейские не учитывает одного принципиально важного момента: в тех условиях, в которых существуют современные государства, все труднее избегать чрезвычайных, в том числе полицейских, мер. Что это за условия? Это приметы времени, которое уже наступило, но еще не осознается большинством, привыкшим жить по-старому. В их числе:

- развитие информационных технологий (в первую очередь интернета), ставящих под вопрос привычные представления о свободе слова и самовыражения и вместе с тем создающих почву для образования новых социальных общностей, для которых государственные границы, запреты и ограничения суть нечто искусственное, иллюзорное, враждебное;
- этнический и культурный плюрализм, все чаще выступающий поводом для межнациональных и межконфессиональных столкновений;
- неоднородность морально-нравственных ориентиров, приводящая к столкновениям на почве религии и различного рода культурных оценок;
- широкое распространение оружия массового поражения, являющегося отныне не столько средством сдерживания внешней агрессии, сколько угрозой, исходящей от несостоявшихся государств и негосударственных, криминальных сообществ (Аль-Каида, Талибан, Хезболла и др.);

²⁷ См., напр. Gross, *Ní Aoláin* 2006; Torres 2008; Агамбен 2011.

²⁸ См. Гоббс 1991: 133.

²⁹ Маркс, Энгельс
1955: 426.

- дошедший до логического конца процесс глобализации мировой экономики, ослабивший регуляторно-контрольные возможности национальных государств и усиливший власть транснациональных коммерческих структур;
- мировой экономический кризис, превращающий государства в хрупкие инструменты продления агонии прежнего хозяйственного устройства (вспомним Марксову характеристику государства: «комитет, управляющий общими делами всего класса буржуазии»²⁹) и при этом лишаяющий их легитимности в глазах населения;
- перспектива мирового экологического кризиса, вызванного достижением пика добычи нефтегазовых ресурсов и, как следствие, их удорожанием.

Как видим, во многом необычны сами обстоятельства жизнедеятельности современных государств. Это означает, что, сталкиваясь с новыми, специфическими вызовами наступающей эпохи, государство вынуждено делать своеобразный выбор — либо отстраниться от решения возникающих проблем, быть неэффективным, либо, напротив, пытаться действовать достаточно жесткими, экстраординарными средствами, в авральном режиме. В значительной мере данная альтернатива является ложной, так как оба пути в конечном счете не приводят ни к чему хорошему: игнорирование проблемы выливается в ее усугубление и делегитимацию государства, а чрезвычайные полицейские меры и правовое регулирование в духе прежних эпох крайне редко достигают цели, также зачастую оборачиваясь потерей государственной власти своего авторитета. Иными словами, ни закрывание глаз на множющиеся противоречия, ни запретительно-репрессивная правовая политика в долгосрочном плане не избавляют человечество от новых угроз, не разрешают множющихся социальных конфликтов и не продлевают жизнь самому национальному государству в том виде, в каком мы к нему привыкли.

Состояние общества, при котором «каждый является врагом каждого», оказывается не мрачноватой картиной легендарного прошлого, но вполне реальной перспективой наших дней. Данный вывод, впрочем, ни в коем случае не означает, будто нет и не может быть решений, которые бы сводили к минимуму негативные последствия изменения парадигм государственного и общественного развития. Необходимо отдавать себе отчет в том, что современный мировой правопорядок (а следовательно, и правопорядки национальные) все менее походит на тот правовой порядок, который мы до сих пор знали. Такое признание должно не пугать, а настраивать, служить основой для коррекции нашей исследовательской оптики — коррекции, без которой любые практические меры по решению стоящих перед человечеством проблем так и будут исчерпываться бесконечной и неблагоприятной борьбой с симптомами социальных недугов.

Думается, что и полностью сбрасывать со счетов национальное государство преждевременно. Конечно, сегодня государство уже вряд ли

может считаться столь же действенным инструментом спасения от возврата к Гоббсову «естественному состоянию», каким оно представлено в трудах английского мыслителя XVII в. Вместе с тем это по-прежнему одна из наиболее эффективных структур управления обществом (по сравнению, например, с преступными сообществами и религиозно-политическими движениями, выходящими на первый план в наиболее отсталых или переживших военные потрясения регионах планеты — в Сомали, Мали, Ливии, Ираке, Афганистане и т.д.). Это значит, что у народов, организованных в дееспособные и достаточно сильные государства, больше шансов выйти из грядущих экономических, экологических, культурных и военно-политических потрясений с наименьшими потерями, выйти из глобального кризиса, сохранив свою цивилизацию. И если так, то вектором практической политики, сулящим наиболее благоприятные перспективы, является вектор борьбы национального государства за свой суверенитет, за свою экономическую и политическую независимость, за верховенство своего внутреннего законодательства.

Библиография

- Агамбен** Дж. 2011. *Ното sacer: Чрезвычайное положение*. — М.
- Валлерстайн** И. 2004. *Конец знакомого мира: Социология XXI века*. — М.
- Вилонов** Н. 2010. Социализм как историческая возможность // *Левая политика*. № 13—14.
- Галкин** А.А. 2012. Новые времена: сдвиги и узлы потрясений // *Полития*. № 1.
- Гоббс** Т. 1989. О гражданине // Гоббс Т. *Сочинения: В 2-х т.* Т. 1. — М.
- Гоббс** Т. 1991. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. *Сочинения: В 2-х т.* Т. 2. — М.
- Дугин** А.Г. 2009. *Четвертая политическая теория: Россия и политические идеи XXI века*. — СПб.
- Зорькин** В.Д. 2009. Глобальный кризис, право и права человека // *Россия в глобальной политике*. № 1 (http://www.globalaffairs.ru/number/p_12459).
- Кожев** А. 2003. *Введение в чтение Гегеля: Лекции по Феноменологии духа, читавшиеся с 1933 по 1939 г. в Высшей практической школе*. — СПб.
- Кутырев** В.А. 2009. *Бытие или ничто*. — СПб.
- Маркс** К., Энгельс Ф. 1955. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. Т. 4. — М.
- Никитин** А.В., Рувинский Р.З. 2010. Колониализм, европейская правовая картина мира и истоки современного правопорядка // *Право и государство: теория и практика*. № 6.

Рахно Е.В. 2009. Духовно-нравственный кризис как следствие глобализационных процессов современности // *Вестник Ставропольского государственного университета*. № 5.

Резолюция Генеральной ассамблеи ООН от 24 октября 2005 г. № A/RES/60/1 (<http://www.un.org/russian/summit2005/outcome.pdf>).

Социально-политические последствия современного кризиса и проблемы кризисного регулирования (Круглый стол журнала «Полис» и ИМЭМО РАН). 2010 // *Полис*. № 1.

Филиппов А.Ф. 2009. Актуальность философии Гоббса (I) // *Полития*. № 2.

Фукуяма Ф. 2004. *Конец истории и последний человек*. — М. (<http://www.nietzsche.ru/influence/philosophie/fukuama/>).

Фурсов А. 2008. Мир, который мы покидаем, мир, в который мы вступаем, и мир между ними: Капитал(изм) и Модерн — схватка скелетов над пропастью? // Андреев Д.А., Прозоров В.Б. (ред.) *De futuro, или История будущего*. — М.

Хардт М., Негри А. 2004. *Империя*. — М.

Bettati M., Kouchner B. 1987. *Le Devoir d'ingérence: peut-on les laisser mourir?* — Paris.

Friedrichs J. 2010. Global Energy Crunch: How Different Parts of the World Would React to a Peak Oil Scenario // *Energy Policy*. Vol. 38. № 8.

Gross O., Ní Aoláin F. 2006. *Law in Times of Crisis: Emergency Powers in Theory and Practice*. — Cambridge.

Grover R.A. 2002. The New State of Nature and the New Terrorism // *Public Affairs Quarterly*. Vol. 16. № 2.

The Independent International Commission on Kosovo. 2000. *The Kosovo Report: Conflict, International Response, Lessons Learned*. — N.Y. (<http://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/6D26FF88119644CFC1256989005CD392-thekosovoreport.pdf>).

Torres C. 2008. Crisis and Social Order in the Post 9/11 Era: Sovereignty, Rule of Law and the Case of Maher Arar // *International Journal of Criminology and Sociological Theory*. Vol. 1. № 2.